

Плащаница и ея исторія.

За все время господства въ русскомъ богослуженіи Студійскаго устава, т. е. со времени преподобнаго Теодосія и до самаго конца XIV вѣка, плащаницы не было на Руси. По крайней мѣрѣ, отъ того времени до насъ не сохранилось ни одной плащаницы, и въ тогдашнемъ уставѣ ничего не говорится ни о выносѣ ея для поклоненія, ни о ходѣ съ нею вокругъ храма. Въ сохранившемся до нашего времени спискѣ Студійскаго устава конца XII или начала XIII вѣка находится лишь слѣдующая подробность утрени Великой субботы: послѣ стихирь на хвалитѣхъ поется „Слава въ вышнихъ Богу пѣвченски; на славу же такового пѣнія абіе входитъ попъ съ діакономъ, имуще Евангеліе, свѣщи предъидущи и всходитъ на столъ и, давъ миръ, сядитъ; затѣмъ послѣ прокимна—паремія изъ пророка Іезекиіля, апостолъ и евангеліе, которое читается, отъ поновъ въ алтарѣ (№ 380 Синод. библ.). Но въ этомъ входѣ съ Евангеліемъ отнюдь нельзя видѣть начала развившагося потомъ обычая—совершать шествіе съ плащаницею вокругъ храма. Проф. Мансвѣтовъ въ этомъ входѣ видитъ остатокъ древнѣйшей церковной практики, извѣстной подъ именемъ „пѣсеннаго послѣдованія“, по которому входъ и чтеніе Евангелія совершались не передъ канономъ, а на великомъ славословіи.

Съ появленіемъ у насъ въ XIV вѣкѣ Іерусалимскаго устава, въ богослужебную практику Страстной седмицы входятъ нѣкоторыя подробности, которыя можно считать началомъ развившихся торжественныхъ службъ надъ плащаницею. Такъ, во всѣхъ уставахъ конца XIV и XV вѣковъ, на утрени Великой субботы, по входѣ съ Евангеліемъ послѣ великаго славословія, положено пѣніе тропаря „Благообразный Іосифъ“. Самый входъ іерей совершаетъ, облачившись во всѣ священническія одежды: „славословіе великое; іерей же облачится во весь чинъ свой и сотворитъ выходъ съ Евангеліемъ; приходитъ же предъ св. двери и ту стоитъ, ожидая конца трисвятому; кончаему же трисвятому, возгласитъ: „Премудрость прости“ и входитъ; входящу же ему, мни си рекуть тропарь „Благообразный Іосифъ“ (№ 383 Синод. библ.). Но ни о выносѣ плащаницы на вечерни Великаго пятка, ни о ходѣ съ нею вокругъ храма въ уставахъ этого времени еще ничего не говорится.

Въ это же время въ церковное употребленіе на Руси входятъ въ больномъ количествѣ шитые воздухи. Этимъ именемъ обозначается третій большой покровъ, употребляемый для покровенія св. Даровъ по пренесеніи ихъ на престолъ, въ знаменованіе прикрытія гроба Спасителя, почему при возложеніи его на св. Дары и читается священникомъ тропарь „Благообразный Іосифъ“.

Въ древней Руси въ знатныхъ и богатыхъ домахъ, а также и въ нѣкоторыхъ женскихъ монастыряхъ, на этомъ воздухѣ шелкомъ, иногда вмѣстѣ съ золотомъ, вышивалось напоминаемое имъ „положеніе Христа во гробъ“, а по краямъ—самый тропарь „Благообразный Іосифъ“, или же иногда (весьма рѣдко): „Да молчитъ всяка плоть человѣча“—пѣнь великаго входа Великой субботы. Отъ XV вѣка сохранилось нѣсколько такихъ шитыхъ воздуховъ, и всѣ они, имѣющіе надпись, неизменно называются „воздухами“. Такъвъ воздухѣ митрополита Фотія въ селѣ Коломенскомъ, Юрьевского

новгородскаго монастыря, вышитый въ 1449 году, новгородскаго Софійскаго собора, вышитый въ 1459 году, и другіе. Въ Историческомъ музеѣ есть суздальскій воздухъ временъ митрополита Фотія съ изображеніемъ таинства Евхаристіи. Еще больше такихъ воздуховъ сохранилось отъ XVI вѣка; смоленскій въ Новгородѣ-вѣчьемъ монастырѣ, 1545 года, волоколамскій 1558 года, Троице-Сергіевской лавры того же времени, нижегородскаго Печерскаго монастыря, 1563 года и др. Эти шитые воздухи обыкновенно вкладывались въ соборные храмы и въ особо чтимые монастыри.

Появляясь, обычай вышивать на больномъ воздухѣ положеніе Спасителя во гробъ былъ заимствованъ Русью изъ Греціи. Но тамъ въ Греціи такой „воздухъ“ *ἀναφορά* имѣлъ въ это время уже особое названіе *ἐπιτάφιον* и особое церковное употребленіе. По свидѣтельству Гоара, *ἐπιτάφιον* въ греческихъ монастыряхъ выносился на вечерни Великаго пятка; съ нимъ совершали ходъ вокругъ храма на утрени Великой субботы и, наконецъ, отъ Пасхи до Вознесенія его носили на главахъ два священника за святыми Дарами во время великаго входа. Можно думать, что и у насъ на Руси, гдѣ позволяли средства и количество священнослужащихъ, воздухъ съ изображеніемъ Спасителя, лежащаго во гробѣ, носился во время великаго выхода. По крайней мѣрѣ, этотъ обычай у насъ былъ извѣстенъ. Такъ думать заставляетъ изображеніе великаго выхода въ алтарной абсидѣ Ильинской церкви въ Ярославлѣ, открытое и описанное проф. П. В. Покровскимъ. На этомъ изображеніи великій выходъ замыкаютъ три священника съ шитымъ воздухомъ на главахъ, очевидно, для покровенія св. Даровъ на престолѣ.

По примѣру греческихъ монастырей и въ нашихъ монастыряхъ съ XVI вѣка начинаютъ носить такой „воздухъ“ во время входа съ Евангеліемъ на утрени Великой субботы. Этотъ вѣкъ и нужно считать началомъ употребленія шитаго воздуха только на утрени Великой субботы и началомъ присвоенія ему нарочитаго наименованія „плащаницы“. Но до повсемѣстнаго распространенія плащаницы было очень далеко. Ее имѣли только богатые и особо чтимые храмы, соборные и монастырскіе, и въ нихъ службы съ плащаницею на Страстной недѣлѣ еще только начали слагаться.

Въ XVI вѣкѣ къ входу на утрени Великой субботы прибавляется одна подробность, весьма важная для насъ: вмѣстѣ съ Евангеліемъ выносятся и шитый воздухъ на главахъ, даже нѣсколько воздуховъ, а послѣ входа совершается поклоненіе и цѣлованіе „на воздухѣ положенія во гробъ“ и самый воздухъ вмѣстѣ съ Евангеліемъ полагается на престолѣ. Этотъ воздухъ уже называется иногда плащаницею. Такъ, въ уставѣ 1553 года (№ 389 Синод. библ.) сказано: послѣ славословія великаго „игуменъ и іерей съ нимъ вси облечутся во священническія одежды, и диаконы во вся стихаря по чину своему, и исходятъ съ Евангеліемъ и съ воздухи на главахъ своихъ носить; и абіе братія цѣлуютъ святое Евангеліе и воздухъ, на немъ же образъ Положеніе во гробъ Господа нашего Ісуса Христа, такожь цѣлуютъ и полагаютъ святое Евангеліе во алтарѣ на святой трапезѣ, дажь до Оомины недѣли“. Нѣкоторые уставы описываютъ этотъ входъ съ большими подробностями.

Впереди процессіи шли два пономаря съ подсвѣщниками, за ними діаконы просто и два діакона со свѣщами, потомъ „большой діако́нъ“ съ кадиломъ въ рукахъ и, наконецъ, священники съ малыми воздухами на головѣ, держа надъ головою игумена большою воздухъ, подъ которымъ онъ шелъ съ Евангеліемъ въ рукахъ. Процессія шла черезъ сѣверныя двери въ алтарь, гдѣ Евангеліе и большой воздухъ полагались на престолѣ. Въ Обиходникѣ Антоніево-Сійскаго монастыря находимъ болѣе подробное описаніе этого выхода (Дмитріевскаго Алексѣя „Богослуженіе въ русской церкви въ XVI вѣкѣ“, Казань, 1884, 215—222 стр.). По окончаніи канона и свѣтильни игумень шелъ въ большую церковь, облачался тамъ въ полное священническое одѣяніе. То же дѣлали и другіе священники, которые должны были участвовать въ выходѣ. По окончаніи славословія, при пѣніи „Святый Боже“ процессія выходила изъ алтаря; впереди шли пѣвчіе, потомъ пономари со свѣщами, затѣмъ діаконы съ кадиломъ, далѣе священники съ воздухомъ, и, наконецъ, какъ бы замыкая шествіе, шелъ самъ игумень, держа въ рукахъ святое Евангеліе. „И идутъ тихо отъ жертвенника, отъ дверей около столпа, дондеже „Святый Боже“ испоютъ всю, а поютъ прѣмѣняясь по клиросамъ“. При пѣніи правымъ клиросомъ „Святый Боже... Безсмертныи помилуй насъ“, вся процессія черезъ царскія двери входила въ алтарь. Діако́нъ произносилъ: „Премудрость прости“, чтецъ читалъ тропарь, пророчества и пареміи. Воздухъ и св. Евангеліе полагались на престолѣ. Этимъ воздухомъ престолъ покрывался всю Пасхальную недѣлю до субботы, а въ этотъ день послѣ литургіи снимали его съ престола и убрали на прежнее мѣсто.

Въ нѣкоторыхъ церквяхъ этотъ выходъ съ однимъ только Евангеліемъ совершался на средину храма и даже въ трапезу. Священникъ и діако́нъ при этомъ были облачены въ бѣлыя ризы. Въ трапезѣ Евангеліе полагалось на аналой, діако́нъ кадилъ его кругомъ и возглашалъ „премудрость“, чтецъ пѣлъ тропарь „Благообразный Іосифъ“ и читалъ паремію. Иногда Евангеліе во время этого выхода несъ діако́нъ, а не священникъ, и оно не полагалось на престолѣ, „занеже воздухъ на престолѣ“, но держалось діаконами.

Въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ выходъ совершался съ воздухомъ, при чемъ воздухъ въ это время переносился изъ большого храма въ малый. При пѣніи стихиры: „Проблагословенна еси Богородице Дѣво“, — говорится въ Обиходникѣ этого монастыря, —пойдутъ со свѣщами въ большую церковь, и пришедъ поютъ славословіе и предъ воздухомъ идутъ по малу, тихо и поютъ „Святый Боже“.

Такимъ образомъ, памятники XVI вѣка даютъ двоякое описаніе входа послѣ великаго славословія на утрени Великой субботы. По однимъ, священникъ выноситъ только одно Евангеліе, а по другимъ—вмѣстѣ съ Евангеліемъ выносился „воздухъ большой“, а иногда и малые. Такимъ образомъ, въ этомъ вѣкѣ воздухъ съ изображеніемъ Спасителя, лежащаго во гробѣ, получаетъ нарочитое употребленіе на Страстной недѣлѣ и кое-гдѣ, но весьма рѣдко, названіе плащаницы. Но еще нѣтъ извѣстій ни о выносѣ ея въ Великій пятокъ, ни о ходѣ съ нею вокругъ храма, хотя уже въ этотъ вѣкъ существовалъ обычай, который легко могъ перейти въ современный намъ. Такъ, по одному Требнику (№ 377 Синод. библ.), въ началѣ утрени Великой субботы на аналоѣ среди церкви ставилась икона „Снятіе со креста Господня тѣлеси и положеніе во гробъ“. Около аналоя

становились священники съ возженными свѣщами въ рукахъ, одѣтые въ полное облаченіе. Игумень кадилъ икону и начиналъ пѣть „Пенорочны“. Несомнѣнно, этого обычай послужилъ потомъ основаніемъ для выноса плащаницы на средину храма и совершенія надъ нею отпѣванія.

Однако нарочитое именованіе и употребленіе шитаго воздуха установилось окончательно только въ XVII вѣкѣ. Тогда же несомнѣнно развились и всѣ обряды плащаницы, ея выносъ и шествіе вокругъ храма, но, къ сожалѣнію, точно прослѣдить образованіе всѣхъ подробностей современной намъ практики церковныхъ службъ Великихъ пятка и субботы нѣтъ никакихъ данныхъ—ни письменныхъ, ни печатныхъ.

По уставу Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, на утрени Великой субботы еще ставился посреди церкви аналой съ иконой „праздника“, а входъ совершался съ Евангеліемъ и воздухомъ: „послѣ славословія“ игумень выходитъ со священники, игумень Евангеліе несетъ во вся облачающа, священники воздухъ несутъ, діаконы свѣщи несутъ, большіе прѣди, крылошане поютъ „Святый Боже“ надгробное; а идутъ косо, дондеже „Святый Боже“ испоютъ всю, и глаголетъ діако́нъ: „премудрость“, мы же входные тропари предъ пареміею и прочая совершаемъ, якоже во уставѣ писано; а какъ во алтарь войдутъ съ воздухомъ и положатъ на престолѣ той воздухъ, діако́нъ глаголетъ „премудрость“ и чтетъ паремію и апостолъ; тоже игумень чтетъ Евангеліе, а діаконы держатъ, зане воздухъ на престолѣ, по Евангеліи ектенія и прочее и отпустъ, игумень со священники и діаконы цѣлуютъ воздухъ на престолѣ, а братія цѣлуетъ „праздникъ“ на налоѣ, а на цѣлованіи поютъ стихъ „Приидите ублажимъ“. Нужно думать, что въ другихъ многихъ монастыряхъ „воздуха“ еще не имѣли и совершали входъ со однимъ Евангеліемъ, а цѣлованіе иконы совершали посреди церкви“: „кромѣ Кириллова монастыря, въ прочихъ монастырехъ игумень съ священники на цѣлованіе праздника изъ олтаря выходятъ въ ризахъ и по цѣлованіи говорятъ первый часъ“. Въ этомъ же уставѣ объяснено, какъ поступать въ томъ случаѣ, если церковь имѣетъ только одного священника и діакона,—бываетъ выходъ сице: послѣ славословія и по трисвятомъ священникъ и діако́нъ облачатся въ ризы бѣлыя обычныя, и бываетъ выходъ съ Евангеліемъ въ трапезу: священникъ несетъ Евангеліе, діако́нъ предъ нимъ съ кадиломъ, пономарь съ свѣщею; и пришедъ, положитъ Евангеліе на налоѣ въ трапезѣ, діако́нъ покадитъ Евангеліе крестообразно, глаголетъ „премудрость“, чтецъ—„тропарь“. Очевидно, въ началѣ XVII вѣка воздухъ имѣли весьма немногіе храмы.

Въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ воздухъ вошелъ къ этому времени въ богослужебное употребленіе на Страстной седмицѣ и уже получилъ свое настоящее наименованіе плащаницы; но ни выноса ея, ни хожденія кругомъ храма тамъ еще не было. Въ Троицкомъ уставѣ начала XVII вѣка о входѣ на утрени Великой субботы сказано: „архимандритъ облачается во вся одежда священная, а священники и діаконы въ ризы, и архимандритъ возметъ Евангеліе, а поны понесутъ надъ архимандритомъ плащаницу, потомъ шия плащаницы; изъ олтаря идутъ сѣверными дверми около столпа: два пономаря съ подсвѣщниками, да два діакона со свѣщами, да два діакона съ рипиды, да діако́нъ съ шапкою, два діакона съ кадилы, и кадятъ безпрестанно около плащаницы; а Евангеліе и кадило большое; а

крылошане поють „Святый Боже“ надгробную; егда же выйдутъ во олтарь, діаконы глаголетъ „вопьемъ“. На 1-мъ часу праздникъ ставятъ на цѣлованіе и поють стихъ „Приидите ублажимъ“ или „Тебѣ одѣющагося“ (№ 400 Синод. библ.).

Но уже въ это время „у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ“ вводится обычай выносить плащаницу на средину храма, на время всей утреди Великой субботы. На срединѣ храма, на особомъ столѣ, она лежитъ и во время обѣди, до херувимской пѣсни, послѣ коей діаконами на главахъ опять вносится въ алтарь (№ 391). Въ новгородскомъ же Софійскомъ соборѣ въ началѣ XVII вѣка уже совершается крестный ходъ на утреди Великой субботы. Въ этомъ ходу кругомъ храма носилась великая плащаница и другія малыя плащаницы (№ 399).

Такимъ образомъ, въ началѣ XVII вѣка воздухъ съ изображеніемъ „Положенія Спасителя во гробъ“ изъ обыкновеннаго покрыва для святыхъ Даровъ становится плащаницею. Церковное употребленіе ея приурочивается исключительно ко входу на утреди Великой субботы. Въ зависимости отъ этого службы послѣднихъ дней Страстной седмицы получаютъ нѣкоторыя формы, какъ-то: выносъ плащаницы на средину храма для поклоненія и цѣлованія и хожденія съ нею вокругъ храма. Изъ этихъ первоначальныхъ формъ потомъ развиваются эти службы до того вида, въ какомъ мы видимъ ихъ теперь. Но это развитіе находилось въ прямой зависимости отъ распространенности плащаницы, отъ имѣнія ея въ той или другой церкви. А такъ какъ послѣднее обстоятельство никогда не ставилось въ непремѣнную обязанность всѣмъ церквамъ Россіи, то поэтому церковное употребленіе плащаницы до сихъ поръ не регламентировано нашими богослужебными книгами.

Въ старопечатной Цвѣтной Тріоди разныхъ изданій московскихъ: 1591, 1604, 1621, 1630, 1635 и 1640 гг., на утреди Великой субботы указанъ только входъ съ Евангеліемъ послѣ великаго славословія и пѣніе стихиръ „Приидите ублажимъ“ послѣ Трисвятаго. О плащаницѣ нѣтъ никакихъ упоминаній. То же и въ Цвѣтной Тріоди львовской 1642 года и кievской 1631 года, въ которыхъ передъ паремьей положено еще пѣніе тропаря „Благообразный Іосифъ“, и виленской 1609 года. Въ древнѣйшей Цвѣтной Тріоди—краковской 1491 года, и напечатанной въ Мръкшиной церкви 1566 положенъ только входъ безъ пѣнія стихиръ и тропаря. Въ Тріоди же Цвѣтной, напечатанной въ Скандарѣ въ 1563 году, а равно въ Постной Тріоди 1656 года положенъ входъ и по входѣ тропарь „Благообразный Іосифъ“. Было только, кажется, два изданія Цвѣтной Тріоди въ Москвѣ: въ 1648 и 1653 гг., въ которыхъ положено на утреди Великой субботы, послѣ тропарей на „Богъ Господь“, выносить на аналоѣ „праздникъ“ на средину церкви и раздавать свѣщи братіи. О плащаницѣ въ Тріоди печатной не сдѣлано никакихъ указаній и даже упоминаній.

Въ печатномъ уставѣ 1610 года наглядно сказалось то, что къ этому времени плащаница не вошла въ церковное употребленіе на Руси. Въ немъ такъ описанъ входъ на утреди Великой субботы: во время пѣнія славословія великаго „входитъ игумень во святый алтарь со іереи и діаконы и облачится во вся священныя одежды, іереи же токмо въ ризахъ. Исходятъ съ Евангеліемъ

и съ воздухи, и діаконы съ кадила, предходящимъ ему со двѣма лампадама, и оба лика поющи Трисвятое надгробное. Приходитъ же игумень предъ святыхъ царскихъ двери и ту стоитъ, ожидая конца Трисвятому. Сему же кончану бывшу, тажъ возгласитъ начальный діаконы „Премудрость прости“ и входитъ. Мы же входное тропарь „Благообразный Іосифъ“. Послѣ же положено цѣлованіе, но не на воздухъ „Положеніе во гробъ“, а иконы: тажъ праздникъ поставимъ среди церкви и поемъ на цѣлованіе стихирю „Приидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго“. Тажъ игумень цѣлуетъ образъ и братія вся“. Въ уставѣ 1633 года уже нѣтъ никакихъ упоминаній о воздухѣ. Лишь въ уставѣ 1641 года впервые полагается совершать входъ „съ Евангеліемъ подъ плащаницею“. Такимъ образомъ, около этого времени, надо думать, шитый воздухъ получилъ свое настоящее названіе плащаницы и тѣмъ былъ выдѣленъ для особаго употребленія на утреди Великой субботы. Но выноса плащаницы на средину храма для поклоненія и цѣлованія въ это время еще не было установлено. Въ томъ же уставѣ по этому поводу положено слѣдующее: „Въ монастырехъ же бываетъ цѣлованіе. По отпустѣ утреди поставляемъ бываетъ налой съ образомъ праздничнымъ среди церкви. Клирицы же поють на цѣлованіи стихирю „Приидите ублажимъ“ и далѣе, какъ въ уставѣ 1610 года“.

Плащаница, такимъ образомъ, по представленію церковнаго устава, составляетъ обязательную принадлежность христіанскихъ храмовъ. Вотъ почему службы съ нею развились, надо думать, въ монастырехъ независимо отъ устава, и ужъ изъ монастырей, по неписанному преданію, перешли во всѣ русскіе храмы, по мѣрѣ приобрѣтенія ими самыхъ плащаницъ.

Въ настоящее время уже почти повсемѣстно во всѣ старообрядческіе храмы приобрѣтаются святыхъ плащаницы. Онѣ получили совершенно законченную форму и слились со службами послѣднихъ дней Страстной седмицы въ одно торжественнѣйшее и знаменательнѣйшее цѣлое.

Плащаница придаетъ трогательное великолѣпіе и умиленную торжественность церковнымъ службамъ послѣднихъ великихъ дней Страстной седмицы. Она должна составлять для этихъ великихъ дней необходимую принадлежность и являться нагляднымъ выраженіемъ совершаемыхъ воспоминаній. Обыкновенно на вечерни Великаго пятка долженъ совершаться въ воспоминаніе крестной смерти Спасителя, при трогательномъ пѣніи тропаря „Благообразный Іосифъ“, выносъ плащаницы на средину храма. Въ Великую субботу всѣ утреди должна совершаться надъ плащаницею, что знаменуетъ собою отпѣваніе Божественнаго Мертвеца а потомъ шествіе съ плащаницею вокругъ храма.

Святая Церковь, торжественно и печально и радостно-благоговѣнно воспоминала погребеніе Ісуса Христа и плача благосерднымъ плачемъ и рыдая, недоумѣваетъ, како погребать Божественнаго Мертвеца, како плащаницею обвить Его, какими руками прикоснуться къ негнѣшному Его Тѣлу, какимъ оиміагомъ, ароматомъ и цвѣтами окружить Его святой страдальческій Ликъ. Въ Великую субботу на Божественной литургіи съ вѣрою и надеждою Церковь умильно воспѣваетъ „Воскреси Боже суди земли“.

Іоаннъ Гаранинъ.